

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Cultural studies

И. Ю. Александров

Ницшеанский марксизм в советской культуре и космизм

Статья посвящена парадигме ницшеанского марксизма, при помощи которой слависты (Дж. Клайн, Б. Глетцер-Розенталь, Б. Гройс) истолковывают советскую культуру. Возникновение «ницшеанского марксизма» в России Дж. Клайн связывает с опубликованными в 1903–1912 гг. работами Вольского, Луначарского, Богданова и Базарова. Б. Глетцер-Розенталь героев советской литературы и искусства, подчиняющих стихийные силы природы, истолковывает как ницшевских «сверхчеловеков». Советская культура в целом предстает в концепции Глетцер-Розенталь проявлением ницшеанского марксизма. Б. Гройс при помощи парадигмы ницшеанского марксизма истолковывает также и русский космизм. В статье исследуется корректность подобной трактовки русского космизма. Показано, что парадигма ницшеанского марксизма неразрывно связана с политико-экономическим подходом к исследованию реальности. Советская культура и русский космизм не могут быть адекватно поняты в политико-экономических терминах. Космизм правомерно сближать с ницшеанством только применительно к идеям Н. Ф. Федорова и его последователей. Космизм оставался тенивым в советской культуре, которая восприняла наиболее материалистические его положения, воплотившиеся в развитии космонавтики.

Ключевые слова: ницшеанский марксизм, советская культура, русский космизм, культурный феномен, парадигма, политико-экономический подход, Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский

Ilya Yu. Alexandrov

Nietzschean Marxism in Soviet culture and cosmism

The article is devoted to the paradigm of «Nietzschean marxism», with which the slavists (G. L. Kline, B. Glatzer-Rosenthal, B. Groys) interpret Soviet culture. The emergence of «Nietzschean Marxism» in Russia G. L. Kline connects with the works of Volsky, Lunacharsky, Bogdanov and Bazarov published in 1903–1912. B. Glatzer-Rosenthal heroes of Soviet literature and art, subordinating the elemental forces of nature, interprets as the Nietzsche's Übermenschen. Soviet culture as a whole appears in the concept of B. Glatzer-Rosenthal as a manifestation of «Nietzschean marxism». B. Groys, using the paradigm of «Nietzschean marxism», also interprets Russian cosmism. The correctness of such interpretation of the Russian cosmism is investigated. The article shows that the paradigm of «Nietzschean marxism» is inextricably linked with the political and economic approach to the study of reality. Soviet culture and Russian cosmism cannot be adequately understood in political and economic terms. Cosmism is correct to approach Nietzscheanism only in relation to the ideas of N. F. Fedorov and his followers. Cosmism remained shady in the Soviet culture, which adopted its most materialistic positions, embodied in the development of cosmonautics.

Keywords: Nietzschean marxism, Soviet culture, Russian cosmism, cultural phenomenon, paradigm, political-economic approach, N. F. Fedorov, V. I. Vernadsky

DOI 10.30725/2619-0303-2019-3-6-10

Культурный феномен русского космизма рассматривается западными историками и славистами (Б. Глетцер-Розенталь, Б. Гройс) в достаточной неожиданной смычке идей К. Маркса и Ф. Ницше. Труды Ницше не публиковались в СССР вплоть до вхождения страны в стадию распада при полном господстве в культурном пространстве тех лет марксистско-ленинской идеологии. Правильно ли противопоставлять коллективизм Маркса индивидуализму Ницше?

Дж. Клайн в работах 60-х гг. XX в. показал, насколько упрощенным является такое противопоставление, задав во многом парадигмальное для современных исследователей воззрение на советскую культуру как на ницшеанский марксизм. Клайн рассматривает Ницше и Маркса как постгегелевских мыслителей. Оба мыслителя существенное внимание уделяют истории, при этом в явной оппозиции Гегелю акцентируют бу-

дущее, но не историческое прошлое. Ницше и Маркса сближает отношение к человеку настоящего лишь как к субъекту истории, некому переходному звену. В своих исследованиях Клайн неоднократно подчеркивал, что «индивидууму грозит поглощение в ориентированной на будущее схеме ценностей, либо культурной (Ницше), либо коллективистской (Маркс)» [1, р. 244]. Клайн является приверженцем концепции «этического индивидуализма». В своих исследованиях русской традиции после 1861 г. он показал, что подобные представления были весьма весомы у мыслителей широкого политического спектра: у таких радикалов, как Д. И. Писарев, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов; движущихся влево либералов вроде П. Л. Лаврова; умеренных либералов К. Д. Кавелина, Г. В. Чичерина и Н. И. Кареева; ревизионистских марксистов вроде А. В. Луначарского и С. А. Вольского;

у смещающихся вправо марксистов, таких П. Б. Струве и Н. А. Бердяев; у консерваторов, таких как Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев и, в определенной мере даже К. П. Победоносцев. Однако, по мысли Маркса, подлинно творческий, нравственный человек – это человек будущего коммунистического общества. Только в коммунистическом обществе люди должны уважаться как личности. До возникновения этого подлинно равноправного общества будущего человек имеет лишь инструментальную ценность. Гуманистические и индивидуалистические этические принципы отвергаются Марксом для настоящего времени. По мнению Клайна, «Ницше делает нечто очень похожее: он отвергает этические принципы как ограничения свободного творчества в настоящем, и он предлагает идеал эстетический, бесспорно, а не этический – творческого индивидуума будущего» [2, р. 167]. Ницшевский «сверхчеловек» как цель столь же не может быть оправдан, если не имеет подлинного достоинства жизнь каждого индивидуума прошлого и настоящего.

Клайн указывает на очевидную опасность оправдания безнравственных действий настоящего ради счастья будущих поколений. Коллективизм Маркса и индивидуализм Ницше в равной мере связаны с инструментальным отношением к человеку настоящего. Советская культура при ее позитивных чертах: коллективизме, направленности на общее благо людей и братство народов, строительном духе, уважении к науке и качеству образования, – в силу господствовавшего в официальной философии отрицания всего выходящего за рамки грубо материалистических представлений, не могла быть полностью нравственной. Лучшее в этике, ограниченной идеалами «морального кодекса строителя коммунизма», вступало в противоречия реальным функционированием тоталитарного режима. Критика Клайна советской коллективистской этики с позиции «этического индивидуализма» вполне правомерна, вместе с тем критика эта парадигмально не способна постичь этику русского космизма, положения которой не индивидуалистичны, но требуют более широкого, по отношению к политико-экономическому, способа постижения. Космизм, будучи коллективистским мироощущением и миропониманием, оставался во многом теньвым в советской культуре, воспринявшей только наиболее материалистические его проявления, воплотившиеся в развитии космонавтики. Космизм – это научный подход, который позволяет изучать явления в максимально широкой космической взаимосвязи. Так политические режимы, социальные конструкции предстают в трудах В. И. Вернадского

в перспективе эволюции на планете Земля, эволюции, которая подчиняется общекосмическим законам развития живого вещества и сознания.

Возникновение «ницшеанского марксизма» в России Клайн связывает с опубликованными в 1903–1912 гг. работами молодых талантов: С. А. Вольского, А. В. Луначарского, А. А. Богданова и В. А. Базарова. Ницшеанские марксисты сосредоточили свою критику и доктринальные инновации в двух «слаборазвитых областях» классического марксизма: в эпистемологии и в этике. В области гносеологии идеи Богданова были сильно зависимы от эмпириокритицизма Авенариуса и Маха. Напротив, в области этики их взгляды оригинальны. Перечисленные четверо мыслителей, отвергнув нормативную (кантовскую, в особенности) этику, стремились освободить творческую личность от «тирании должного». Ницшеанские марксисты, как подчеркивает Клайн, были чувствительными к проблемам художественного творчества и свободы. В эстетизме ницшевской философии и его яростной критике нормативной морали они нашли поддержку для собственного пересмотра марксизма. Все они следовали за Ницше и настаивали на том, что пролетариат Маркса, как и сверхчеловек Ницше, находят по ту сторону христианско-буржуазных представлений о добре и зле. Ницшеанские марксисты подчеркивали свободную волю, желание и творчество, но взгляды их резко расходились по вопросу о том, должны ли воля и креативность принимать индивидуальные или коллективные формы. Роль индивидуальности в большей мере подчеркивали близкие ортодоксальной ницшевской мысли Вольский и Луначарский, в большей мере коллективистами-марксистами были Богданов и Базаров.

Клайн отмечает, что ницшеанский марксизм в советской культуре просуществовал немногим более десятилетия. Основная причина исчезновения ницшевского влияния в советском марксизме после 1917 г. связана с тем, что для В. И. Ленина и его последователей категорически неприемлем был акцент ницшеанских марксистов на неограниченное желание, свободную борьбу и подлинное культурное творчество, будь то индивидуальное или коллективное. Сочетание ницшевского творческого индивидуализма с коллективистской «пролетарской моралью» – ею наполнена дореволюционная работа С. А. Вольского «Философия борьбы. Опыт построения этики марксизма» – имело глубокие противоречия. Мечты Вольского и других марксистов о раскрепощении творческих сил при социализме оказались утопичными. Мораль «друзей-врагов», которую Вольский, остро чувствовавший энергетичность, творческую составляющую гераклиново-ницшевского понимания противостояния и борьбы, представлял «моралью буду-

щего» [3, с. 311], оказалась неуместной в советской командно-административной системе. После бурных исканий и споров интеллектуалов 1920-х гг. в годы сталинизма именно классовое сознание и классовая мораль способствовали деформации совести у многих творческих личностей, сделали подпольной свободную творческую мысль. Очевидно, что Вольский, Луначарский, Богданов сближали марксистские чаяния будущего человечества с ницшеанскими представлениями, однако понятие «воля» было фундаментальным для метафизики XIX в. в целом. Нет оснований, к примеру, связывать 11-й тезис Маркса о Л. Фейербахе с ницшевской «волей к власти».

Призыв перейти от созерцательной философии к решительному изменению действительности прозвучал в те годы и в космизме Н. Ф. Федорова. Эпиграф к статье Федорова «Конец философии» звучит следующим образом: «Ницше, как последний философ разъединитель-объединитель, – последний мыслитель, за которым следует уже деятель» [4, с. 126]. Смысл этого высказывания соизмерен 11-му тезису Маркса о Фейербахе: «Философы до сих пор различным образом объясняли этот мир. Теперь пора его изменить» [5, с. 4]. Если Э. Кант в век Просвещения связывал совершеннолетие человечества со способностью самостоятельно пользоваться собственным рассудком, то в космизме Федорова понимание совершеннолетия человечества созвучно проекционизму Маркса и Ницше: «Но философия, понимаемая не как чистое только мышление, а как проект дела, есть уже переход к совершеннолетию» [4, с. 181]. Если Маркс еще не идет дальше идеи переделки мира, а Ницше воспевают борьбу и приветствует судьбу, но верит не в бессмертие человека, а в весьма смутное и неопределенное будущее Земли – сверхчеловека, признавая «вечное возвращение» все того же и смертность человека, то «активное христианство» Федорова проповедует «искупление сынами и дочерьми грехов своих родителей и спасение всех» [4, с. 146]. Федоров своей идеей научно-технического достижения личного бессмертия стал актуален в наши дни, ведь в современной культуре идея имморталогии с учетом стремительного научно-технического прогресса становится все более влиятельной.

Отечественная культура остается большим камнем преткновения для западных исследователей. Парадигма «ницшеанского марксизма» в изучении советской культуры, возникшая благодаря концепции Дж. Клайна, идеи которого в настоящее время развивают Б. Глетцер-Розенталь, оценена именно как теоретический подход, позволяющий научно ее исследовать. Один из рецензентов книги «Новый миф, новый мир. От Ницше до сталинизма» Ф. Уайт ставит в заслугу

ее автору Б. Глетцер-Розенталь, что книга «делает гораздо больше, чем просто отслеживание идей, она обеспечивает очень убедительную парадигму, через которую можно рассматривать советский дискурс» [6, р. 511]. В исследованиях Глетцер-Розенталь речь не идет о какой-либо подмене марксистско-ленинской идеологии ницшеанской, или о том, что идеи Ницше вызвали большевистскую революцию. Глетцер-Розенталь стремится показать, что философия Ницше повлияла на большевиков, «усилила их жесткую интерпретацию марксизма, покрасила их политическое воображение, и политические решения, подпитала их стремление создавать новые политические мифы, новые культовые фигуры и новую культуру» [7, р. 24].

Глетцер-Розенталь отстаивает тезис о том, что «ницшеанские идеи мифотворчества, его концепция искусства как одновременно и лжи, и правды, представление об искусстве как о функции власти, его взгляды на язык легли в основание соцреалистической теории» [8, с. 56]. Исходной же посылкой ее концепции является представление о том, что «соцреализм был сталинской версией мифотворчества» [8, с. 56]. Глетцер-Розенталь полагает, что хотя большинство писателей и деятелей культуры искренне верило в идеалы социализма и светлое будущее, Горький и Луначарский бывшие «богостроители» точно знали, что делали: они адаптировали ницшевскую концепцию искусства-лжи для защиты и укрепления власти. Соцреализм как новая форма искусства должен был скрывать реальную нищету людей и творить прекрасную иллюзию, которая выдалась за правду. Задача творческих людей сводилась к созданию светлого образа будущего социализма, который выдавался за настоящее.

Тезис Глетцер-Розенталь об осознанной лжи Горького и Луначарского выглядит несколько натянуто. Эти писатели могли и не лгать, но внутренняя цензура к 1930-м гг. сильно деформировала их мысли и сделала ужасно казенным их язык. От их юношеских светлых идеалов и интереса к философии Ницше следа к тому времени не осталось. Увлечение Горького и Луначарского в молодые годы философией Ницше не вызывает сомнений, но перенесение ими ницшевских идей в соцреализм далеко не очевидно. Глетцер-Розенталь рассматривает не только образы литературных героев бывших «ницшеанских марксистов», которых выделил в эту группу Дж. Клайн, а максимально широко в советском искусстве и литературе в целом образы героев, подчиняющих стихийные силы природы, как образы ницшеанских «сверхчеловеков». Вся советская культура при таком рассмотрении предстает ницшеанским марксизмом. Если Сталин в

представлениях Глетцер-Розенталь выступает руководителем гигантского социалистического тоталитарного театра, наверно, логичнее было бы искать влияние идей Ницше на Сталина, но не на Горького. Глетцер-Розенталь связывает человека труда с ницшевским «аполлоническим» – рационализирующим началом, а энергии масс – с началом спонтанным «дионисийским». Само социалистическое строительство, подчиняющее и преобразующее природу, трактуется этой исследовательницей как «аполлоническое».

Глетцер-Розенталь показала, как выравнивается художественный стиль в социалистическом реализме: «Новая официальная эстетика предполагала авторитарный голос («ты должен»), пассивного читателя и безличную правду, транслируемую таким образом, чтобы ни в коем случае не могло возникнуть неправильное понимание, и чтоб не возникало никаких вопросов» [8, с. 67]. Советские писатели должны были употреблять слова в прямом, а не в переносном смысле, избегать двусмысленности и многозначности, свойственной философским, да и любым творческим текстам. Стандартизация языка и сюжета литературы сталинского периода фактически пресекала появление различных авторских стилей. За официальной предельно рационализированной, поставленной под контроль, «аполлонической» культурой всегда оставалась скрыта тeneвая спонтанная народная культура, которую можно трактовать как «дионисийскую». Культуру советских лет можно, разумеется, трактовать в ницшевской терминологии, но, как и любая парадигма, парадигма «ницшеанского марксизма» не допускает иновидение, она по-своему односторонняя.

Космизм правомерно сближать с ницшеанством только применительно к идеям Н. Ф. Федорова и его последователей. Определенную близость идей Ницше и Н. Ф. Федорова отмечает и Глетцер-Розенталь, а также масштабность их проектов – обоих мыслителей сближает презрение к бездействию, масштаб проекта «восстановления отцов» Федорова сопоставим с масштабом великого нигилистического культурного проекта Ницше. Идеи Ницше были восприняты символистами, ницшеанскими марксистами и отражены, по мнению некоторых русистов, в технологических проектах первых лет советской власти. Один из героев романа «Соть» Леонида Леонова утверждает, что «в Советском Союзе возможно все, даже воскрешение мертвых» [8, с. 61], – так Глетцер-Розенталь переходит к идеям Н. Ф. Федорова, которые оказываются в смычке с идеями Ницше при интерпретации его соцреализма.

Русисты в наши дни вслед за советологами трактуют советскую культуру как сверхчеловеческую, – русский космизм при таком подходе

предстает сверхчеловеческой научно-технической магией. Б. Гройс русский космизм односторонне истолковывает при помощи восходящего к Ницше тезиса о «смерти Бога», редуцируя базовые для русского космизма представления к учению «федоровцев». Русские космисты, как их понимает Гройс, не приняли распространенное в атеистической культуре представление о конечности бытия. Космисты, по его мнению, «призвали к установлению тотальной власти над космосом и к обеспечению индивидуального бессмертия для каждого живущего или жившего раньше человека» [9, с. 6].

В 20-е годы XX в. в Советской России, с пока еще неопределенностью ее будущего, многие верили в самые необычные возможности научно-технического преобразования мира и искренне представляли социализм более передовой общественно-экономической формацией по отношению к капитализму. Ницшеанский марксист А. Богданов руководил Институтом крови, и, по-видимому, надеялся не только на омоложение организма при помощи переливания крови, но потенциально и на достижение личного бессмертия. В идее переливания крови, несомненно, присутствовал и мировоззренческий энергетизм, характерный как для эзотерической литературы начала XX в., так и бурно развивавшейся в те годы парапсихологии.

Для «федоровского» направления в русском космизме первично научно-техническое покорение природы (как внешней, так и природы человеческого тела). Традиционные платонико-христианские представления о человеческой жизни как школе испытаний, в которой вырабатываются качества характера, необходимые для бессмертия, для сторонников «активного христианства» лишь пассивны и созерцательны, т. е. безнравственны. Посленицшевская западная культура лишилась упрощенных представлений о христианском Боге, но тезис о предоставленности человеку возможности самому решать вопрос о переделке собственной природы не является необходимо верным. Человек пытается переделать свою природу, если он не допускает другой (возможно, более духовно развитой) жизни в космосе. Для русского космизма характерны представления о космосе как о живом развивающемся организме, поэтому любой механицизм, характерный как для учения Н. Ф. Федорова, так и для современных версий иммортализма, не является единственно верной трактовкой философии космизма, а скорее противоречит ключевым ее положениям.

«Федоровская» парадигма в исследовании русского космизма имеет очевидные ограничения. Н. В. Башкова показала, что бессмертие

русскими космистами понималось различным образом, выделив «атомарный», «физический» и «энерго-телепатический» варианты бессмертия. Федоровский вариант бессмертия в этой классификации относится к «физическому». Башкова подчеркнула, что ядром скрытых резервов, элиминирующих смерть из жизни, является «духовно-психическая, а не биофизическая эволюция человечества» [10, с. 199]. Другими словами, личное бессмертие следует искать не в редукции человеческого существа к материальным «первокирпичикам» живого и управлении этими первоэлементами, но в выделении и эволюционном совершенствовании духовного составляющей человека. Башкова также отметила, что «нецелесообразность бессмертия несовершенного, с остатками животных инстинктов, человека» [10, с. 199] у русских космистов не вызывала никакого сомнения. Таким образом, русский космизм не имеет отношения к ницшевской идее смерти Бога и постнищенской западной культуре, с ее титаническим техницизмом, пришедшим на смену искаженному в веках христианству. Коллективная этика не обязательно связана с тоталитарной культурой, что достаточно односторонне показали Клайн и Глетцер-Розенталь. «Этический индивидуализм» Клайна не является единственно верной ее альтернативой.

Коллективная этика вполне может быть развита на идее нравственного преображения человека – идее характерной для отечественной культуры. Ницшеанские марксисты испытали влияние не только Ницше, но Шопенгауэра и многих других мыслителей. М. Агурский показал, что М. Горький творчески переработал в своих произведениях очень многообразный спектр идей, включавший представления современных ему оккультистов и парапсихологов [11, с. 54–74]. Энергетизм, волюнтаризм, учение о бессознательном – это общекультурные представления того периода. В творчестве М. Горького можно обнаружить представление о коллективном энергетическом бессмертии, но тот же Горький до конца своих дней надеялся на научно-техническое достижение личного бессмертия, испытывал интерес как к идеям Вернадского, так и к идеям Федорова. Русский космизм представляет собой уникальный культурный феномен, который не имеет единственного, непротиворечивого определения.

Список литературы

1. Philip T. Grier. George L. Kline's influence on the study of Russian and Soviet philosophy in the United States // *Philosophical Sovietology. Sovietica*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. 1987. Vol. 50. P. 243–266.

2. Kline G. L. «Nietzschean Marxism» in Russia // *Demythologizing Marxism: a series of studies in marxism* / ed. F. J. Adelman. The Hague, 1969. P. 166–183.

3. Вольский С. А. Философия борьбы. Опыт построения этики марксизма. Москва: Слово, 1909. 312 с.

4. Федоров Н. Ф. Собр. соч.: в 4 т. Москва: Прогресс, 1995. Т. 2. 544 с.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. 629 с.

6. White F. H. Bernice Glatzer Rosenthal. *New Myth, New World: from Nietzsche to Stalinism* // *Rev. Canad. des Slavistes*. 2004. Vol. 46, № 3/4 (Sep.-Dec.). P. 511–512.

7. Rosenthal B. G. *New myth, new world: from Nietzsche to Stalinism*. State Colledge (PA): Pennsylvania State Univ., 2002. 464 p.

8. Розенталь Б. Соцреализм и ницшеанство // *Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко*. Санкт-Петербург: Акад. проект, 2000. С. 56–69.

9. Гройс Б. Русский космизм: антология. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.

10. Башкова Н. В. Преображение человека в философии русского космизма. Москва: КомКнига, 2007. 224 с.

11. Агурский М. Великий еретик. Горький как религиозный мыслитель // *Вопр. философии*. № 8. 1991. С. 54–74.

References

1. Grier Ph. T. George L. Kline's influence on the study of Russian and Soviet philosophy in the United States. *Philosophical Sovietology. Sovietica*. Dordrecht: D. Reidel Publ. Co., 1987. 50. 243–266.

2. Kline G. L. «Nietzschean Marxism» in Russia. *Demythologizing Marxism: a series of studies in Marxism* / ed. F. J. Adelman. The Hague, 1969. 166–183.

3. Volsky S. A. *The Philosophy of struggle. The experience of building the ethics of Marxism*. Moscow: Slowo, 1909. 312 (in Russ.).

4. Fedorov N. F. *Collected works: in 4 vol.* Moscow: Progress. 1995. 2. 544 (in Russ.).

5. Marks K., Engels F. *Collected works*. 2nd ed. Moscow: State public. house of political lit., 1955. 3. 629 (in Russ.).

6. White F. H. Bernice Glatzer Rosenthal. *New Myth, New World: from Nietzsche to Stalinism*. *Rev. Canad. des Slavistes*. 2004. 46 (3/4). 511–512.

7. Rosenthal B. G. *New myth, new world: from Nietzsche to Stalinism*. State Colledge (PA): Pennsylvania State Univ., 2002. 464.

8. Rosenthal B. *Socialist Realism and Nietzscheanism*. *Socialist Realistic Canon: col. of art. under total. ed. H. Gunter and Ye. Dobrenko*. Sainkt Petersburg: Acad. Project, 2000. 56–69 (in Russ.).

9. Grois B. *Russian cosmism: anthology*. Moscow: Ad marginem press, 2015. 336 (in Russ.).

10. Bashkova N. V. *The transformation of man in the philosophy of Russian cosmism*. Moscow: KomKniga, 2007. 224 (in Russ.).

11. Agursky M. *The great heretic. Gorky as a religious thinker*. *Voprosy filosofii*. 1991. 8. 54–74 (in Russ.).